

ДЖОН БЕРЕНДТ

ПОЛНОЧЬ В САДУ ДОБРА И ЗЛА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б48

Серия «Эксклюзивная классика»

John Berendt

MIDNIGHT IN THE GARDEN OF GOOD AND EVIL

Перевод с английского *А. Н. Анваера*

Компьютерный дизайн *Е. Д. Фerez*

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Берендт, Джон.

Б48 Полночь в саду добра и зла : [роман] / Джон Берендт ; [перевод с английского А. Н. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-123336-5

В старинном особняке Саванны туманным утром 2 мая 1981 года прогремели выстрелы — убит Дэнни Хэнсфорд, молодой человек с сомнительной репутацией. Под подозрением оказывается хозяин дома...

Так начинается расследование, длившееся десять лет. Именно столько времени потребовалось, чтобы узнать, что же все-таки тогда произошло — убийство или акт самозащиты.

Однако главное в романе вовсе не детективная составляющая, а сам городок Саванна с его обитателями: светскими дамами из Карточного клуба замужних женщин; затворником, чья бутылка с ядом способна убить всех жителей города; пожилым человеком, выгуливающим каждый день несуществующую собаку; королевой красоты леди Шабли, выступающей в весьма экстравагантном шоу; жрицей вуду, проводящей ритуалы ночью на кладбище...

Самое интересное, что эта история и все ее персонажи — не вымысел. Джон Берендт, основываясь на реальных событиях, сумел создать роман, завоевавший сердца миллионов читателей.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© John Berendt, 1994

© Перевод. А.Н. Анваер, 2017

ISBN 978-5-17-123336-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Моим родителям

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ВЕЧЕР В МЕРСЕР-ХАУЗЕ

Моему собеседнику можно было дать на вид не более пятидесяти. Худощавое, красивое лицо его отличалось настолько правильными чертами, что казалось почти зловещим, усы аккуратно подстрижены, волосы серебрились на висках благородной сединой. Глаза были настолько черны, что напоминали тонированные стекла роскошного лимузина — изнутри видно все, но попробуйте заглянуть в салон... Мы удобно расположились в гостиной его старинного, выстроенного в викторианском стиле дома. Об этом доме стоит рассказать особо: то было строение из настоящего красного кирпича, с пятнадцатифутовыми потолками и великолепно спланированными комнатами. Винтовая лестница соединяла центр гостиной с расположенным на втором этаже обширным бальным залом, увенчанным прозрачным куполом, громадным, как небосвод. То был Мерсер-Хауз, один из последних домов подобного рода в Саванне, до сих пор остававшийся в частном владении. Вместе с садом и каретным сараем он занимал целый квартал. Если даже согласиться с тем, что Мерсер-Хауз не самое большое здание в Саванне, то любому тем не менее пришлось бы признать, что обставлен этот дом с гораздо большим вкусом, не-

жели все другие. «Архитектурный дайджест» посвятил Мерсер-Хаузу целых шесть страниц, а это не так уж мало. В каталоге интерьеров богатейших особняков мира в одном ряду с этим домом стоит Сагамор-Хилл, Билтмор и Чартвелл. Мерсер-Хауз являлся предметом зависти всей Саванны, жители которой весьма склонны гордиться своими жилищами. Джим Уильямс жил в Мерсер-Хаузе один.

Сейчас Уильямс с наслаждением курил сигару «Король Эдуард».

— Что мне больше всего нравится, — говорил он, выпуская кольца ароматного дыма, — жить как аристократ, но без необходимости на деле нести сей тяжкий крест. Голубую кровь ослабили родственные браки. Этим людям на протяжении многих поколений приходится выглядеть важными и величественными. Немудрено, что они потеряли всякие амбиции. Во всяком случае, я им не завидую. Единственное, что есть ценного у аристократов, — это их старинная мебель, картины и серебро — короче говоря, все то, с чем им приходится расставаться, когда у них кончаются деньги, а этот товар у них кончается всегда. И тогда они остаются наедине со своими утонченными манерами.

Он произнес эту длинную тираду с тягучим, мягким — почти бархатным — южным акцентом. Стены дома были увешаны портретами кисти Гейнсборо, Хадсона, Рейнолдса и Уистлера. Из золоченых рам на нас глядели герцоги и герцогини, короли, королевы, цари, императоры и диктаторы.

— Лучше всего, — произнес Уильямс, — смотрятся портреты особ королевской крови.

Он затушил сигару в серебряной пепельнице. На колени ему вспрыгнул серый тигровый кот, которого Уильямс нежно погладил.

— Я отдаю себе отчет в том, что внушаю многим превратное мнение о себе, живя подобным образом, но я не пытаюсь никого ввести в заблуждение. Однажды, много лет назад, я показывал группе своих гостей дом и видел, как один из них, подняв кверху большой палец, обратился к своей жене: «О, это настоящие старые деньги!» Того человека звали Дэвид Говард, он ведущий мировой специалист по геральдическому китайскому фарфору. После показа я отвел его в сторонку и сказал: «Мистер Говард, я родился в Гордоне, штат Джорджия. Там недалеко протекает речушка Мэкон. Единственная достопримечательность Гордона — это меловая шахта. Мой отец был парикмахером, а мать работала секретаршей в шахтоуправлении. Моим деньгам — всем, сколько их есть, — около одиннадцати лет». Надо было видеть выражение его лица! «Знаете, почему я подумал, что вы из старинного рода? — спросил он, придя в себя. — Дело не только в шедеврах живописи и антиквариате. Я обратил внимание на чехлы старинных стульев — материя кое-где прохудилась, и новый богач наверняка заменил бы их новыми, а старый — нет». «Я знаю это, — ответил я. — Кстати, мои лучшие покупатели — именно старые богачи».

За те полгода, что я прожил в Саванне, мне частенько приходилось слышать имя Джима Уильямса. Причиной столь большой популярности был не только дом. Джим с успехом занимался продажей антиквариата и восстановлением и реконструкцией

старых зданий. Кроме того, он являлся президентом Телфэйрской академии — местного музея искусств. Уильямсу была предоставлена колонка в журнале «Антиквар», и главный редактор этого издания Уэнделл Гаррет отзывался о Джиме как о гении. «У него необычайный нюх на подлинные вещи, — говорил Уэнделл. — Этот человек доверяет своему вкусу и не боится испытывать судьбу. Он может сорваться с места, сесть в самолет и отправиться на интересный аукцион — пусть даже тот проходит в Нью-Йорке, Лондоне или Женеве. Однако в глубине души он настоящий южный шовинист, истинный сын Юга. Не думаю, что он очень хорошо относится к янки».

Уильямс сыграл выдающуюся роль в восстановлении исторического центра Саванны, начав заниматься этим вопросом в середине пятидесятых. Джорджия Фосетт, фанатичная и давняя поборница сохранения исторических памятников, вспоминала, как трудно было увлечь людей идеей восстановления центральной части города. «Старый город превратился в настоящие руины, заваленные всяким хламом, — говорила она. — Красные линии* большинства улиц заняли банки, а великолепные старые дома постепенно ветшали и сносились, уступая место заправочным станциям и автостоянкам, при этом ни один банк не хотел давать деньги на спасение города от окончательного разрушения. По улицам разгу-

* Выигрышная с точки зрения архитектуры воображаемая линия расположения построек. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ливали проститутки, а добропорядочные семейные пары с детьми боялись селиться в центре, считая этот район опасным». Миссис Фосетт начиная с тридцатых годов была членом маленькой группы благовоспитанных энтузиастов, стремившихся вытеснить из центра города бензоколонки и спасти старые дома. «Но кое-что нам все-таки удалось, — с гордостью добавляла миссис Фосетт. — Мы сумели заинтересовать холостяков».

Одним из таких холостяков и оказался Джим Уильямс. Он купил ряд кирпичных одноэтажных строений на Ист-Конгресс-стрит, отремонтировал их и продал. Вскоре он начал покупать, реставрировать и продавать дома в центре Саванны дюжинами. Газеты писали об этом, имя Уильямса стало широко известным, и его антикварные дела тоже пошли в гору. Джим начал раз в год выезжать в Европу, его принимали там хозяева самых фешенебельных салонов. Таким образом, взлет состояния Уильямса шел рука об руку с восстановлением исторической части Саванны. В начале семидесятых годов туда вернулись семейные пары с детьми — проститутки с позором бежали на Монтгомери-стрит.

Охваченный упоением от успехов, Джим купил остров Кэббидж — один из мелких островков, цепочкой протянувшихся вдоль побережья Джорджии. Приобретение такой недвижимости все посчитали причудой, если не откровенной глупостью. Площадь острова составляла восемнадцать акров, из которых во время прилива под водой оказывались тринадцать. В начале 1966 года Уильямс заплатил за Кэббидж пять тысяч долларов. Старые просоленные

морские волки говорили Джиму, что его попросту облапошили — всего год назад за этот остров просили чуть больше двух тысяч. Что и говорить, пять тысяч долларов — очень большие деньги за кучу мокрых камней, на которых невозможно построить даже маленькую хибарку. Однако несколько месяцев спустя на некоторых островах архипелага, включая и Кэббидж, были открыты месторождения фосфатов, и Уильямс продал свой остров оклахомской компании «Керр-Макги» за шестьсот шестьдесят тысяч долларов. Владельцы соседних островов высмеяли его за торопливость — они считали, что продать месторождения можно и по более высокой цене. Возможно, они были правы, но через пару недель правительство штата запретило буровые работы на островах возле побережья, и Джим оказался единственным человеком, который вовремя избавился от своего острова. После вычета всех налогов прибыль Уильямса составила полмиллиона долларов.

Аппетиты его росли — теперь он покупал куда более пышные дома, нежели кирпичные одноэтажные бараки. Одним из его первых приобретенных фешенебельных зданий оказался Армстронг-Хауз, настоящее итальянское палаццо напротив Оглторпского клуба на Булл-стрит. По сравнению с Армстронг-Хаузом клуб выглядел просто крошечным, и, как утверждала местная молва, дом был выстроен именно с целью унижения клуба. Говорили, что богатейший судовладелец Джордж Армстронг воздвиг это здание в 1919 году после того, как оглторпские джентльмены отказались принять магната в свои ряды. Легенда не соответствует действительности,

но дом от этого ни на йоту не потерял своего великолепия, царственно возвышаясь среди образчиков саваннского градостроительства. Он подавлял, нависал и вызывал трепет. К дому примыкала длинная колоннада, похожая на руки, угрожающе протянутые к стоявшему напротив Оглторпскому клубу.

Бьющее в глаза великолепие Армстронг-Хауза не давало покоя Уильямсу, который нагулял аппетит и все больше и больше тяготел к пышности. Надо сказать, что Джим не был членом Оглторпского клуба — холостяков, промышлявших торговлей антиквариатом, редко приглашали туда, — впрочем, Уильямса это нимало не беспокоило. Он перевел в Армстронг-Хауз свой главный антикварный магазин ровно на год, а потом продал здание адвокатской фирме Бьюхена, Уильямса и Леви, продолжая при этом вести жизнь аристократа. Теперь Джим сосредоточил свое внимание на Европе, частенько навещаясь туда для приобретения старинных раритетов. Последние путешествия он совершил на «Королеве Елизавете» — надо было выдерживать стиль — и прислал из Британии несколько контейнеров, заполненных живописными полотнами и английской мебелью. Тогда же он купил первые шедевры Фаберже. К вящему раздражению местного высшего общества, Джим вскоре стал заметной фигурой в Саванне. «Как вы себя чувствуете, зная, что вас называют *poivre au riche?*»* — спросили как-то Уильямса. Он ответил, что в этом словосочетании играет роль только слово *riche*. И тут же купил Мерсер-Хауз.

* Нувориш, богатый выскочка (*фр.*).

Дом этот пустовал на протяжении более чем десяти лет. Находился Мерсер-Хауз на западной стороне площади Монтерей, одной из самых элегантных, обрамленных тенистыми аллеями площадей Саванны. Здание было выстроено в итальянском стиле — его украшали высокие, узкие, сводчатые окна, изящество которых подчеркивали металлические кованые балкончики с затейливым узором. Дом не высывался на красную линию, выбросив вперед, словно передник, зеленую лужайку, окруженную ажурной чугунной оградой. Здание не выглядывало на площадь, а скорее господствовало над ней, хотя здесь, видимо, больше бы подошло слово «царствовало». Последние владельцы дома — Шрайнеры — превратили особняк в модный клуб, посетители которого въезжали в великолепный двор на ревущих мотоциклах. На воротах в то время светилась неоновая вывеска, выполненная в форме турецкого ятагана. Уильямс отреставрировал дом так, что он превзошел по изяществу тот замысел, с которым его строили первоначально. Когда в 1970 году реконструкция была закончена, Джим устроил на Рождество официальный прием, на который были приглашены сливки саваннского общества. В тот вечер каждое окно Мерсер-Хауза освещалось мягким светом свечей, во всех залах источали массу света величественные канделябры. Люди толпились возле дома, с любопытством разглядывая подъезжающих к воротам знаменитостей, удивляясь тому, что столь прекрасный дом столько лет простоял в полной темноте, всеми забытый и брошенный. На первом этаже, у подножия лестницы, пианист играл попури, а на

втором, в бальном зале, звучали органные пьесы бессмертных мастеров. Лакеи в белых ливреях неслышно скользили между гостями, предлагая шампанское и прохладительное с серебряных подносов. Дамы в длинных платьях поднимались и спускались по спиральной лестнице, шурша шелком и бархатом, струившимися с их полуобнаженных плеч. Старая Саванна была явно озадачена.

Подобный вечерний прием вскоре стал традиционным и органично вписался в календарь светской жизни Саванны. Уильямс всегда устраивал его в разгар зимнего сезона — в ночь накануне бала дебютанток. Эта пятница стала вскоре известна как рождественский прием у Джима Уильямса. То был прием года, и стоил он Уильямсу немалых усилий. «Вы должны понять, — громогласно заявил как-то представитель шестого поколения саваннских аристократов, — что Саванна очень серьезно относится к балам и приемам. Это город, где у каждого джентльмена есть белый галстук и фрак. Нам не приходится брать их напрокат. Так что надо отдать должное Уильямсу — он сумел завоевать выдающееся место на нашей социальной сцене, при этом не являясь коренным саваннцем и будучи холостяком».

Еду для рождественских приемов поставляла известная всей Саванне Люсиль Райт. Эта довольно светлокожая негритянка пользовалась столь прочной репутацией среди саваннских дам, что они предпочитали перенести дату какого-либо праздника, если миссис Райт была в этот день занята. Еда этой достойной дамы настолько отличалась по качеству, что ее блюда узнавали сразу же. Гости посасывали

сырную соломку, ели маринованные креветки, пробовали крошечные сэндвичи с помидорами и понимающе улыбались. «Люсиль!..» — говорили они при этом, и к сказанному, право, нечего было больше добавить. (Томатные сэндвичи Люсиль Райт никогда не бывали мокрыми, потому что она промокала каждый ломтик помидора бумажной салфеткой, и это был только один из ее многочисленных кулинарных секретов.) Клиенты ценили ее чрезвычайно высоко. «Она настоящая леди!» — часто говаривали саваннские джентльмены, и в их устах это слово, отнесенное к чернокожей женщине, звучало как высшая похвала. В свою очередь, Люсиль не скрывала восхищения своими патронами, хотя вынуждена была признать, что саваннские хозяйки, даже очень богатые, имели обыкновение, приезжая к ней, говорить: «Знаешь, Люсиль, я собираюсь устроить милую вечеринку, но не хочу при этом тратить много денег». Джим Уильямс был не таков. «Он любит во всем очень пышный стиль, — говорила о нем Люсиль, — и он очень вольно обращается со своими деньгами. Очень, очень вольно. Бывает, приходит и говорит: «Люсиль, у меня будет двести человек, я намерен накормить их грубой, но вкусной пищей. Значит, ее должно быть много, мне не хочется, чтобы в разгар праздника еда кончилась. Поэтому покупай все, что считаешь нужным, сколько на это пойдет денег, меня не волнует».

Рождественские приемы Джима Уильямса стали тем событием, ради которого, по словам «Джорджия газетт», жило все светское общество Саванны. Ради которого или без которого, поскольку Джим частенько менял списки приглашенных. Он писал имена на кар-

тонных карточках и складывал их в две стопки — стопку *приглашенных* и стопку *неприглашенных*. При этом Уильямс не делал из своей причуды никакой тайны. Если какой-то человек умудрялся чем-либо насолить Джиму в течение года, его карточка автоматически переносилась во вторую стопку — это было наказание, которое обрушивалось на голову ничего не подозревающей жертвы в самый канун Рождества. «Список *неприглашенных*, — поведал как-то Джим корреспонденту «Газетт», — имеет в толщину целый дюйм».

На город опустились сумерки, подернув зыбким туманом очертания площади Монтерей и превратив ее в слегка затемненную сцену, обрамленную розовыми азалиями, которые окружали стволы дубов с изъеденными кронами и оттеняли густую, почти черную зелень испанского мха. Светлый мраморный постамент памятника Пуласки смутно белел в глубине площади. На кофейном столике Уильямса лежала книга «В домах Саванны — великие интерьеры». Такие книги я видел на нескольких кофейных столиках в гостиных Саванны, но именно здесь она вызывала какое-то сюрреалистическое чувство — на обложке была изображена та *самая* гостиная, где мы в настоящий момент пребывали.

До этого Уильямс битый час водил меня по Мерсер-Хаузу и по антикварному магазину, который располагался в каретном сарае. В бальном зале он сыграл мне сначала что-то из Баха, а потом «Я поймал ритм». Под конец, чтобы продемонстрировать мне оглушающую мощь своего органа, он предложил моему вниманию «Героическую пьесу» Сезара Франка. «Когда мои соседи позволяют своим собакам выть